

Роль Анни Жирардо в нашем театре гражданской войны

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

лее того, в Душанбе она предстала вместе со своей постоянной партнершей по театру и кино Анн Сельер. Когда же Ахадов решил вывести свою труппу из горящего Душанбе в Магнитогорск, то Анн Сельер тоже приехала туда. Она пригласила в Магнитогорск для участия в постановке «Мemento» другого французского актера Жака Виниса.

Факт интересный: в этом театре в Магнитогорском театре состоялась премьера постановки моноспектакля Анни Жирардо «Мадон Миланго». Театр-бенкет заставил говорить о себе всю театральную общественность.

А как выживают другие театры, которые осуждают черное крыло гражданской войны и чрезвычайного положения? Тут невозможно сделать какое-то суждение.

Показатель в Москве в конце 80-х годов спектакль «Хлеб Абдэа театра имени К. Маркса» — спектакль на фоне вынужденного молчания как дерзкий вызов существующей идеологии. История же гибели двух молодых братьев во время гражданской войны в Грузии, по-настоящему сделать какое-то суждение.

Невозможно говорить открыто порождая в многонациональном театре особый эпизодический язык. На нем обильно используются диалекты. Поэтому, если кому-то удавалось пробить брешь в силовом цензуре ГИЛГО «обратстве народов», то все остальные воспринимали этот спектакль как личную победу. Безнадежная борьба — любовь и свобода.

Вот почему у коммунистической власти Т. Чендиди, и многие другие, в том числе К. Абрамова, М. Тунишвили (книга которого «Ревизор уходит из театра и поныне лежит на столе каждого театра») — составили ту главную художественную систему тоталитарной системы, который пытался творческую мысль как русских, так и белорусов, украинцев, молдаван...

Приезжая на первые театральные фестивали в Алма-Ату, Ташкент, Бишкек, Душанбе, Ашхабад, мы видели, как опытное чувство первой свободы поднимало восточный театр (ранее в основном копирующий западные) на небывалую высоту. Но постепенно с увеличением гласности и возведением логичным шаг за шагом на территории «нежного и неделимого» как-то незаметно стала та же прежняя самодостаточность бывших диссидентов театра. Пошли разговоры о том, какая культура старше, что русский театр перебрался восточному, что московские критики ничего не понимают в орнаментальной культуре и т. д. и т. п. Сверхлюбовь к национальному театру, к национальному возрождению, по сути, возманив его, подалась к латан политической элиты, оказалась заложниками собственной идеи. Их замкнуло на национальном менталитете. Все, что примосилось к нему, объявлялось вредным, негражданским.

Когда в Москве в 1992 году проходил первый международный чеховский фестиваль, то грузинские руководители культуры не поехали, чтобы на театральном фестивале не участвовать. Я помню, как один ведущий мастер стучал ладкой на пресс-конференции и кричал, что мы ничего не понимаем, что гансхуария выходящая политика... Вероятно, тогда он находился под впечатлением «свежей идеи» — «Грузия для грузин», а теперь находится под впечатлением переговоров Тбилиси с Москвой и поэтому смело показывает свой старый спектакль в Мос-

кве...

Им казалось, что лучше замолчать и не вступать в полемику. Но театральная история независимо от того, как она складывалась, Лир поделил свое королевство. Они да не предположили, что театральные сюжеты — так развешены и что быть вместе со своим народом не менее трудно, чем пойти в изгнание.

Тан где же, а чем спасение тех, кто поднимал духовное сознание своего народа к театру? Оказались ненужными достижениями власти Ричард? Что им делать? Замолчать, как того требуют пушки, или? Выход, как это ни парадоксально звучит, — в работе!

Спрашивается, только ли страза за свою жизнь гнал по горным тропам из горящего Сузун и Тбилиси авторов бывшего грузинского театра Крими К. Гамсахурдия? Конечно, нет! Ведь они шли не только к своему бывшему художественному руководителю, ныне главному режиссеру русского театра Г. Кантарадзе, но и к своему другу, одному из бывших эмигрантов Г. Гамсахурдия, — они шли в театр имени Гамсахурдия, уверенные в том, что Чехов и Горький объединили нас навсегда. И не ошиблись.

Сегодня Г. Кантарадзе, объявленный врагом абхазского народа, больше не носит для самообороны пистолета в кармане, потому что знает: умирать в искусстве за человека нужно без оружия, отрешения приходит постепенно, и вот уже у Кантарадзе цветет «вишневый сад», и зрители, сидя в изополненном ожидании, ждут Кантарадзе, который в русском театре — это русский театр. Он разная уступает место родному симбиозу. И вот мудрый М. Тунишвили ставит «Сон в летнюю ночь», а Р. Стурра задала братскую и добрую «молитву на Свату».

Когда-то этой пьесой Ю. Любимов вместе с молодой Таганкой начинала свое многолетнее противостояние лагерной оппозиции: театр Р. Стурра в разрушенном войной театре имени Руставели возрождает этой пьесой доброту. Ибо доброта сильнее любого оружия.

Когда театр «Полуостров» покинул Душанбе и уехал в Россию, то его художественный руководитель В. Ахадов велел, что в Магнитогорске их примет не как беженцев, прославившихся от «Зулуменства», а как достойных мастеров, знающих себе цену и цену доброте. Как в Душанбе театр Ахадова не позволял никаких компромиссов в плане приоритета той или иной национальной культуры — точно так же в Магнитогорске он не разрешает себе работать вполноги. И пусть говорят, что прежний театр-дом утратил свой первоначальный смысл и он распадется, здесь в Магнитогорске семья-дом определяет главный вектор художественных поисков. Пройдя дорогами войны, душанбинцы перенесли свой очаг творчества на уральскую землю. Благодаря прежним и новым связям Валерия Ахадова в этот театр стали приезжать работать зарубежные артисты. Ахадов называет такое сотрудничество гуманитарной помощью Западу, потому что считает: наша духовная культура, в том числе театральная, способна обогатить любого специалиста европейского уровня.

В Магнитогорске мне удалось воспомнить шесть спектаклей. В отличие от своих коллег, удивленных высоким уровнем, я встретила это как само собой разумеющееся, ибо знала, что даже на Северном полюсе Ахадов со своими актерами сумеет создать свой театральный Версаль. В этом смогу убедиться в Москве, побывав в феврале и марте в Театре имени К. Маркса «Варшавская мелодия», «Мemento», «Мадон Миланго» с участием Анни Жирардо, Анн Сельер, Жака Виниса.

Фото ИТАР—ТАСС.

Роль Анни Жирардо в нашем театре гражданской войны

Любовь ЛЕБЕДИНА, критик

Сегодня вместе с мигрирующими народами, увы, мигрируют и театры. Два года назад театр «Полуостров», выехав из страждущего Душанбе, обосновался в Магнитогорске. Именно сюда, как раньше в Пятизвездье, едут московские артисты. Более того, транзитом через Москву летят из Парижа и Нью-Йорка в Магнитогорск Анни Жирардо и Анн Сельер, Жак Винис и хореограф Марте Майсон. Тут идут спектакли на русском и французском языках при переполненных залах. И все — благодаря подлинности нынешнего художественного руководителя Валерия Ахадова, утверждающего, что профессионального искусства не бывает.

По странной ли случайности или совпадению, но после выхода в 1990 году фильма «Ревизор» режиссера В. Ахадова, где Анн Жирардо сыграла главную роль, она уже не мыслит свою жизнь без России и Таджикистана. Она приезжала в Душанбе даже тогда, когда там стреляли и рисковали для жизни было выйти из дома. Бо-

(Окончание на 3-й стр.).